

Почему нельзя быть самостоятельной

Яреци Фернандез

В этот день Яреци проснулась рано. Настолько рано, что на Востоке еще даже не забрезжил рассвет. Солнце спало, луна правила этим миром. Девушка взяла с тумбочки телефн и посмотрела на дисплей. Четыре часа утра. Она вздохнула и, повернувшись на спину, стала смотреть на темный потолок. Справа раздавалось спокойное и размеренное дыхание Тору, и она повернула голову. Посмотрела на его профиль и осторожно пальцами убрала прядь его волос с щеки. Он непроизвольно поморщился, видимо стало щекотно, но продолжил спать. Девушка поцеловала его в щеку и тихо встала с кровати. Укрыла спящего одеялом, подоткнув края, чтобы было тепло, и вышла из комнаты. Посмотрела на перебинтованную ладонь и разбинтовала ее. Порезы постепенно затягивались, и она умылась. Теперь вода и мыло не причиняли такой боли, как, скажем дня два назад. Даже не щипало.

Она умылась, привела себя в порядок и ушла на кухню. Город еще спал, мир еще спал, а она села на стул и вздохнула. Взяла с подоконника альбом для рисования, который попросила Тору купить в магазине, и, вспомнив черты лица матери Тору, стала рисовать портрет этой властной женщины, вызывающей уважение и внушающей страх. Начало светать, настенные часы показывали шесть утра. Время пролетело незаметно, и она, зевнув, отложила альбом и встала. Размяла затекшие мышцы и заглянула в холодильник. Не найдя ничего интересного, она вернулась к рисованию. Теперь почему-то рука сама стала рисовать портрет змеюки. Уставившись на него, девушка хмыкнула и продолжила рисовать, сопроводив это красивой надписью на испанском "змея". Закончила портрет где-то через полтора часа. Получилась гадюка с лицом жены старшего брата Тору. И с этой мерзкой улыбкой...

Наверное, не стоит показывать Тору этот портрет. Она вырвала лист из альбома и сложила пополам. Надо будет выкинуть, а то вдруг Тору обидится, что так изображают его родственников. Да и к тому же нарисованный портрет мог не соответствовать действительности, ведь видела она эту женщину всего один раз.

Вспомнив образ Тору, задумчиво-сонный, того Тору, который был для нее всего лишь "мистером Мотидзуки", она захотела было нарисовать и его, но услышала урчание своего желудка. Решив приготовить на завтрак омлет с помидорами и ветчиной, она отложила альбом с портретом женщины, который закрывал сложенный вдвое лист бумаги, и, достав все необходимое из холодильника, с задумчивым видом стала неторопливо резать помидоры...

Тору Мотидзуки

Тору не знал, что именно заставило его проснуться, но глаза он открыл так резко, словно где-то на задворках его спящего сознания прозвучал невидимый будильник. Повернув голову в сторону, где должно было располагаться женское тело, и никого не обнаружив, Тору с недовольным бурчанием приподнялся на кровати и внимательно посмотрел по сторонам, прислушиваясь к доносящимся с кухни звукам и пытаясь определить, чем занимается девушка.

Первичный анализ показал, что пока он спал, в квартире опять начали происходить не разрешенные им безобразия, в которые стоило незамедлительно вмешаться. Может он сильно преувеличивал всевозможные опасности, но после недавней истории Тору начал опекать Яреци даже больше, чем до этого. А с учетом порезанной руки и вовсе не давал ей ничего делать. Девушка, конечно, была от этого не в восторге, но, как говорится, сама виновата. Нечего резать себе руки и заставлять его переживать.

Вставать не хотелось, но ситуация явно требовала его внимания, так что Тору окончательно выполз из под одеяла, натянул на голое тело домашние штаны и, не тратя больше времени на приведение себя в порядок, чтобы хоть как-то убрать с лица легкую помятость и расчесать растрепанные волосы, отправился на кухню. Как он и предполагал, Яри старательно стучала ножом по доске, догадавшись при этом еще и снять бинт, чем сразу вызвала желание как следует ее отшлепать за непослушание. Но пока он решил ограничиться тем, что отнял у нее нож и постарался изгнать ее подальше от всевозможных колюще-режущих предметов.

- А ну брысь на стул. Я сам все сделаю. - Тору старался, чтобы его лицо выглядело грозно, хотя с учетом общей помятости его старания не слишком впечатляли. - Я так понимаю, ты омлет хотела сделать?

Не имея способностей к предсказанию, Тору ориентировался на вытащенные из холодильника продукты. Вряд ли Яреци собиралась готовить на завтрак что-то совсем неожиданное, так что версия с омлетом казалась ему наиболее вероятной.

Яреци Фернандез

И все было тихо и спокойно, и ничто не предвещало беды, но, видимо, не может быть здесь все идеально и хорошо. На кухню вошел Тору и резко вырвал из ее руки нож, будто она не резала им помидор, а размахивала из стороны в сторону. Она вздрогнула от неожиданности и задохнулась от возмущения, когда поняла, что он хочет сам доделывать ее работу.

- Эй, отдай! - фыркнула она, глядя на него. - Ты чего делаешь?! Ты... мы же могли порезаться! Или я могла случайно порезать тебя.

Она возмущенно засопела, нахмурившись и смешно сморщив носик. В глазах было негодование и возмущение. Она не любила, когда ей мешают. К тому же таким методом. И отступать она не хотела. Хотя его ворчание заставило ее улыбнуться и обреченно вздохнуть и отойти от места потенциальной опасности. Хотя сейчас вроде бы не было ничего опасного. Если только разделочная доска не упадет ей на ногу, оставив переломы всех пальцев. Но это настолько нереально, что онс уже готова была хмыкнуть, как снова посмотрелна на любимого Тору. Он сильно за нее переживает, он хочет о ней заботиться, он любит ее. Это прекрасно. Но иноода его забота слишком навязчива.

- Нет, я хотела просто пожарить яичницу. С помидорами и ветчиной. Но... если ты хочешь омлет, то давай я перемешаю яйца с молоком? Я использую венчик, - решила она уточнить и улыбнулась. - Ты почему так рано проснулся? Да еще и не

умылся толком. Я тебя разбудила?

Тору Мотидзуки

Возмущения Яреци, вызванные его действиями позабавили и вызвали желание немного ее подразнить, чтобы посмотреть, как она будет недовольно пыхтеть и морщить нос. Пожалуй, именно такое умильное выражение лица могло поднять не самое лучшее из-за преждевременного пробуждения настроение. Главное было не переборщить и ненароком на самом деле не обидеть девушку.

- Не могли мы порезаться. Это у тебя ручки частенько трясутся и ножки не держат, - Тору нахально ухмыльнулся, ожидая волну недовольства со стороны Яри, - а я с детства работаю над своими реакциями и координацией движений. Даже если ты специально начнешь махать ножом и пытаться меня порезать, сомневаюсь, что это получится.

Услышав про яичницу, Тору еще раз посмотрел на вытащенные из холодильника продукты, на несколько секунд остановив взгляд на пакете молока. Хотя девушка может просто собиралась его выпить или несколько раз передумать, что готовить, что было вполне в ее духе.

- Да мне все равно. Яичница, так яичница. Я сам все сделаю. А ты можешь сидеть и смотреть на меня влюбленными глазами. - Тору дорезал помидоры и взял ветчину. - Поспишь тут с тобой. Стоит отвернуться, и уже всякие безобразия творятся. - Он резко повернулся и потянулся к Яреци, приблизив свое лицо к ее. - Ну вот что мне с тобой делать? Наверное, пора начинать наказывать.

Очередная наглая ухмылка, и Тору вернулся к своему нехитрому занятию. Пожалуй, утро оказалось совсем не таким плохим, каким он его представлял, вылезая из постели. Хотя Яреци могла с ним в этом не согласиться.

Яреци Фернандез

Она выгнула бровь, слушая его речь, наполненную ядом. Но это был какой-то любимый и добрый яд. Уголки ее губ на то, что он порезаться не может, и она не сможет его порезать, и вообще, начали медленно ползти вверх. Хотелось его крепко обнять, никогда не отпускать. Постоянно быть рядом с ним, чтобы он всегда оберегал ее. Его забота ей очень нравилась, она хотела, чтобы они больше никогда не расставались, чтобы они всегда были вместе и все делали вместе. И ругались по таким мелочам. Не из-за чего-то серьезного, а просто из-за того, что он не подпускает ее к ножам. Это мило и в какой-то мере забавно.

- Ах, молоко, - как будто отрешенно протянула она, - ну, я хотела тебе сварить кофе с молоком. Ты же будешь кофе с молоком? Даже если не будешь, я все равно сварю.

Он приблизился слишком близко к ней и нагло ухмыльнулся. Как кот, который поймал мышку и уверен в своей победе. Но нет, даже мышка может постоять за себя. Яреци сощурилась, потом сделала вид, что испугалась. Что он там говорил про наказание? Он хочет ее наказать? Пусть попробует. Хотя почему она не может отдубасить его чем-то? Вот только чем?

Рука нащупала полотенце, и девушка хитро сощурилась и ухмыльнулась. Он вернулся к работе с холодным оружием, и она, выждав удобный момент, отняла у него нож. Быстро положила его на столешницу и начала дубасить его полотенцем по лицу.

- Не спится ему, ах, какие мы нежные, - засмеялась она. - Ну прям вообще. Сам сиди за столом! Ты порезал мне все, дальше я сама справлюсь!

Она опустила руку с полотенцем и посмотрела на него, усмехнувшись. Кажется, он открутит ей голову... но было весело. Теперь было хорошо.

Тору Мотидзуки

Рассуждения девушки о молоке, Тору как-то пропустил, занимаясь ветчиной. Сам он предпочитал обычный кофе, без каких-то добавок и сильно не баловался с этим напитком, чаще всего выбирая чай. Любовь к чаю прививалась ему с детства и, в отличие от других вещей, связанных с его семьей, сохранилась до настоящего времени.

Тору уже хотел отложить нож в сторону и заняться "сборкой" яичницы, как на него было совершено нападение, настолько подлое и неожиданное, что он даже позволил отнять у себя нож. Дальше же началось и вовсе какое-то непотребство - его стали лупить полотенцем по лицу. Это, конечно, не причиняло боли, но являлось настоящим вызовом, который он просто не мог ни принять.

- Ну все. Теперь ты точно напросилась на наказание. - Тору с грозным видом направился в сторону Яреци и, пресекая попытки совершить побег, сделал резкий выпад, схватил девушку и повалил ее на пол. - Ну и кто теперь смелый?

Идея идеального наказания пришла в голову сразу. Соорудив на лице самое грозное из выражений, на которое был сейчас способен и, стараясь не начать глупо улыбаться, Тору начал беспощадным образом щекотать Яреци.

- Сдаешься? Будешь меня слушаться?

С одной стороны, Тору хотел выйти из этой ситуации победителем, а с другой, он был бы совсем не против и дальше продолжать их милую возню. Все эти забавные мелочи создавали ощущение близости между ним и Яри и давали надежду, что самый трудный период в их отношениях уже позади.

Яреци Фернандез

У нее даже не было возможности сбежать. Все это произошло настолько быстро, что она даже не успела как-то отреагировать на все это безобразие. Вот он только что стоял недалеко от нее, а уже через мгновение она лежит на полу и смотрит на потолок. А еще через мгновение Тору склонился над ней и соорудил такое страшное выражение лица, что она невольно засмеялась. Звонким смехом, радостным и беззаботным. Потому что в глазах любимого не было гнева. И злобы.

- Я тебе поддалась, - показала она ему язык и только хотела встать на ноги, как он

ее начал щекотать. Она взвизгнула.

Она всегда, сколько себя помнила, боялась щекотки. Папа иногда этим пользовался, когда дурачился вместе с ней, дядя Гильермо тоже иногда щекотал ее, и она пыталась от него убежать. И визжала от восторга, радовалась. А вот мама почему-то не участвовала в таких безобразиях. Нет, мама ее любила, но эта любовь была другой. Более строгая, канонная. Видно, мужчины любят дурачиться. Сколько бы лет им не было.

- Ай, щекотно, - смеялась девушка, пытаюсь увернуться от него, но этого ей никак не удавалось. Из глаз текли слезы от смеха, а ее громкий заливистый смех поднимался все выше, а потом сталкивался с преградой в виде потолка и разбивался на миллионы осколков. Но это было неважно. Как и то, что они своим смехом могли разбудить соседей.

- Все, сдаюсь, - сказала она, чувствуя, что от смеха стало тяжело дышать. Она ладонями стерла слезы и внимательно посмотрела на его лицо. Его глаза все были такими же холодными и непроницаемыми, но в них, казалось, плясали озорные искорки. - Я проиграла эту битву, но война еще не окончена, - со всей серьезностью в голосе произнесла она, но все-таки не смогла сдержать улыбку.

Она вдруг начала думать, какое было детство у него. Наверное, у него не было такой близости с мамой, а может он этого не помнит. Она хотела было спросить у него про детство, но потом решила, что не готова слушать. Он вряд ли был готов рассказать что-то о себе. Да и ситуация сейчас была несколько другой. Не для грустных разговоров.

- Яичница сама не сделается, если что, - тихо напомнила она, вздохнув.

Тору Мотидзуки

Несмотря на попытки Яреци убедить его в том, что она поддалась, Тору не сомневался в своей безоговорочной победе. Что только подтвердилось неспособностью Яри вырваться, когда он начал ее щекотать. Хотя, судя по ее залиvistому смеху, она от этого особенно не страдала.

- Вот и правильно. Сразу бы так. - Тору перестал щекотать девушку, но отпускать ее с пола не торопился. - Хотя мое превосходство было очевидным. Я больше, сильнее и намного опытнее в боевых искусствах. Хочешь тоже как-нибудь завалить меня на пол - тренируйся. Ну, или найди для этого какой-нибудь более интересный способ, когда я сам не смогу отказаться.

Тору все же выпустил девушку, поднимаясь и помогая встать ей. Как она верно заметила, яичница не умела делать себя сама, так что если они планировали позавтракать, стоило уделить ей больше внимания. А уж только потом, при желании, еще немного подурачиться.

Приготовление завтрака много времени не отняло, и скоро он уже раскладывал по тарелкам обещанную яичницу, которая хоть и не являлась шедевром кулинарного мастерства, получилась вполне вкусной.

- Со мной все понятно, а вот ты почему так рано поднялась? И чем занималась, пока я спал? Вынашивала планы захвата власти в нашей семье?

Последнее слово вырвалось как-то само собой. Они так толком и не обсуждали варианты развития их совместного будущего, получая удовольствие от настоящего, но, похоже, последние дни окончательно создали в его голове картину их полноценной совместной жизни, приравнивая ее чуть ли не к супружеству.

Яреци Фернандез

- А вот я попробую тебя завалить на пол, - с вызовом сказала девушка, улыбнувшись и пытаясь встать, но он не давал ей этого сделать. Она коротко вздохнула и сощурилась. - А ты меня будешь тренировать? Я вынослива. К тому же, если ты меня будешь тренировать, я буду знать твои слабые места, - добавила она.

Она сильно сомневалась, что у него есть слабые места. Хотя практика показывала, что она сама и есть его слабое место. Он сильно за неё переживал и боялся потерять, что вызывало у неё какое-то странное чувство где-то в животе. Как будто раз - и полетело много бабочек. Она тоже боялась его потерять, но сейчас была уверена почти на сто процентов, что все печали и проблемы ушли на второй план, и у них впереди счастливое будущее. Не безоблачное, конечно, но уже не будет таких проблем. Как бы она этого хотела.

Наконец, Тору решил всё-таки приготовить яичницу и встал. Помог подняться ей, и она отправилась в ванную, чтобы умыться и причесаться. Потом вернулась и села на стул. Снова подтянула к себе ноги и обняла их руками. Положила подбородок на колени и из-под полуприкрытых век стала наблюдать за движениями Тору, который готовил яичницу. В воздухе витали приятные запахи, а желудок стал более настойчиво просить еды, что вызвало на губах слабую улыбку. Тору поставил перед ней тарелку, и она спустила ноги на пол и задумчиво посмотрела на альбом.

- Я... мне не спалось. Я в четыре утра встала. вспомнила, что я как бы в художественном институте учусь. Вот решила порисовать, - она покраснела до кончиков ушей и осторожно подвинула ему альбом со сложенным вдвое листом бумаги. Потом спохватилась и быстро его забрала, но пока рвать не стала. А вдруг Тору понравится портрет этой змеи? Хотя это вряд ли. Она же принадлежит к этой семье, Тору, наверное, к ней нормально относится. А может и нет. Но всё равно, ему это вряд ли понравится. Она положила этот лист себе на колени и смущённо опустила глаза. Стала ковыряться в тарелке, тщетно пытаясь выковырять кусок помидора. - Семья... я пока не думала о... нашей семье... - её щёки стали, кажется, пунцовые. Она подняла на него глаза. - Но... Тору, тебе надо помириться с мамой. Я видела, как ты молился перед алтарём... мама тебя очень любит, она была рада, что ты вернулся. Она простит тебя, я уверена в этом. Поговори с ней...

Она осеклась и опустила голову. Она не была уверена, что её слова были правдой. Возможно, там было всё намного серьёзнее, чем она предполагала. Но она хотела, чтобы он помирился с мамой, чтобы вернулся в свою семью. Хотя бы душой...

Тору Мотидзуки

- Знаю я, что ты вынослива, - многозначительно протянул Тору. Ему нравилось время от времени говорить самые обыденные вещи так, словно он подразумевал под ними что-то другое и смотреть, как мило начинают розоветь щеки Яреци.- Если хочешь, я буду тебя тренировать. Но учти, я - строгий тренер, и поблажек от меня можешь не ждать.

Как оказалось, поднявшись в такую рань, Яреци решила немного порисовать, пододвигая к нему альбом в доказательство своих слов и подозрительно забирая вырванный листок. В альбоме оказался портрет женщины, очень похожей на его мать, что дало ему некоторую пищу для размышлений. Видимо встреча Яри с твердой, как скала, Мотидзуки Чиеко сильно запала девушке в душу и, возможно, ему еще предстояло столкнуться с ее последствиями.

- А там чего прячешь? - Тору кивнул в сторону лежащего у нее на коленях листа. - Портрет какого-нибудь симпатичного мальчика?

Мысленно перебрав несколько возможных вариантов скрываемого изображения, он пришел к выводу, что в большинстве из них одной порцией щекотки Яреци точно не отделается. И пусть она ему потом не рассказывает о художественной ценности произведения, мотивах, побудивших ее это нарисовать и прочей незначительной ерунде.

С темы их отношений Яри быстро соскочила на необходимость его примирения с матерью, показывая, что, наверное, ему стоило больше ей рассказать о специфике своих отношений с семьей, чтобы у нее не было лишних иллюзий на этот счет. Конечно, он приехал в Японию не только, чтобы отдать почести умершему отцу, но и чтобы пробить брешь в беспросветных отношениях с ныне живыми родственниками. Но он и близко не рассчитывал на любовь, взаимопринятие и другие, как ему казалось, совершенно невозможные вещи.

- Яри, я же не рассказывал тебе, как перестал общаться с родными? Если коротко, то с отцом у нас всегда были натянутые отношения, в то время как с матерью они практически отсутствовали вообще. После моего отказа от карьеры, развода и нежелания прислушиваться к их советам отец как-то позвонил мне и сообщил, что не хочет иметь со мной ничего общего. А мать... Он нее я не услышал ни слова. За все эти годы. Ровно до того момента, как мы с тобой пришли в родительский дом. Так что, я конечно, с ней поговорю, причем, в ближайшие дни, но очень сильно сомневаюсь в эффективности нашего разговора.

Тору не стал уточнять, что характер запланированного разговора будет сильно отличаться от того, что рисует ее воображение. Он собирался высказать матери все, что он думает по поводу вмешательства в его личную жизнь, ну а если после этого ему придется уехать из Японии... Что же, он заберет Яреци и без особых сожалений это сделает.

Яреци Фернандез

Наверное, это глупо. Глупо рисовать родственников любимого человека, которых видишь всего один раз в жизни и с вероятностью больше тысячи процентов больше никогда не увидишь. Но эта женщина, уже в возрасте, внушающая страх и какую-то

внутреннюю силу, почему-то сильно запала в душу Яреци. Девушка была уверена, что мать Тору не приняла её в свою семью, ведь она действительно слишком молода, да ещё, несмотря на все уверения, что будет сильной, умудрилась разреветься при ней. И если бы она сдержалась, потом разревелась бы при Тору, где-нибудь в другом месте, пусть хоть в автобуса, было бы легче. И проще. Тогда была бы хоть какая-то вероятность, что её примут в семью. А так всё, ей лучше больше там не появляться.

- Нет, я... - она вздохнула и немного испуганно протянула ему сложенный лист. - Это само так получилось, я не хотела. Но... она действительно похожа на змею, - тихо прошептала она, глядя в тарелку, с таким интересом, будто там было произведение искусства. Интересно, он ей открутит голову за такую дерзость? Надо было выкинуть этот рисунок сразу.

Перепады настроения стали происходить всё чаще, и она нахмурилась. Раньше такого с ней почти никогда не было, но вот последнее время это всё происходит чаще. Возможно, так на неё повлиял весь этот монастырь или ещё что-то, а может и кто-то. А возможно, это просто усталость и присутствие постоянного стресса.

Он немного рассказал о своих отношениях с родителями, но, в принципе, она и не просила, чтобы он рассказал прям всё-всё. Создавалось такое впечатление, что родители его не любили. Хотя его мать показалась ей пусть и строгой, властной и серьёзной женщиной, но всё-таки любящей его. Она даже представить себе не могла, как это может быть такое, чтобы мать не любила своего ребёнка. Но обычно такие дети либо воспитываются в приюте или на улице, и о них никто не вспоминает. А если они и возвращаются в дом, то, вероятно, их либо не пускают, либо просто указывают на дверь. Но никак не подают руку, не разговаривают. Ей так казалось. И уж тем более не интересуются, почему на нелюбимого и ненужного сына запала какая-то мелкая девчонка, которая не знает ничего о жизни. С другой стороны, может просто сам Тору не хотел поддерживать с ними отношения, но он не был похож на того ребёнка, который просто сбежал из дома, наплевал на всё и всех. Он грустил, скучал.

- Мне папа рассказывал, что одно время он дружил с беспризорниками. Некоторые выросли, сейчас работают, вернулись к жизни. Но они никогда не вспоминали дом, родителей. Вот никогда. Папа иногда общается с ним. Ни разу они не вспомнили о родителях. Кого-то просто выгнали из дома, кто-то ушёл сам. Но... - она задумалась. - Тору, мама тебя любит. Как-нибудь, но любит. Если бы ты был ей безразличен, она бы не стала говорить со мной. Она бы меня просто не заметила. Да и тебя бы, наверное, тоже. Ты... поговори с ней. Она тебя поймёт и простит. Я уверена в этом. Если... конечно, если ты сам хочешь наладить отношения с ней и помириться в сердце со своим отцом... - Она прислонила руку к его груди. - Всё, что было в прошлом... оно осталось там. Не будешь ли ты винить себя, если, пока есть возможность, не изменишь эту ситуацию?

Тору Мотидзуки

По тому, с какой опаской Яреци протянула ему листок, Тору начал предполагать что-то действительно нехорошее, а открыв его и посмотрев на изображение, не смог удержаться от смешка.

- По-моему, очень похоже. Ты боялась, что я стану на тебя за это ругаться? Зря. - Тору вернул листок девушке. - В нашей семье к Фуэми никто особой любви не испытывает. Даже сам Рюхей. Как ты понимаешь, женился он на ней не от хорошей жизни. Семейный бизнес переживал не самые лучшие времена, а инвестиции ее отца значительно облегчили всем жизнь. Но поскольку мой старший брат - воплощенная в человеческом теле ответственность, раз он взвалил на себя этот крест, то будет нести его до конца жизни. Печально только, что после смерти матери именно Фуэми станет в родительском доме полновластной хозяйкой.

Яреци продолжила убеждать его в материнской любви, на что Тору лишь пожал плечами. В доводах девушки было рациональное зерно, но от них сильно тянуло идеализмом юности, когда невозможное кажется возможным, а родственники, чтобы не случилось, в глубине души любят друг друга. Но, дожив до своих лет, Тору уже давно для себя решил, что это не более чем красивая мечта, далекая от реальности.

- Яри, я обещаю тебе, что в ближайшее время встречу с матерью, а все остальное... Понимаешь, в детстве мной в основном занималась бабушка. Я был незапланированным ребенком и родился в сложный период жизни родителей. У них хватало других забот, и пока я никому не мешал, все шло прекрасно. Но я начал расти и, с какого-то момента доставлять проблемы, а они не нашли ничего лучше, чем просто пытаться все неправильные с их точки зрения порывы задавить...

Тору раньше об этом как-то не думал, но, сейчас высказавшись, понял простую вещь - он до сих пор обижался на мать. Даже больше чем на отца, с которым постоянно ругался. Она находила время, чтобы все в доме функционировало, как один слаженный механизм, учила английский язык и разбиралась в финансовой отчетности, чтобы помочь мужу, но могла и не найти и получаса в неделю, чтобы нормально поговорить со своим младшим сыном.

Яреци Фернандез

Значит, он был незапланированным ребёнком. Со старшим братом у него, небось, огромнейшая разница в возрасте, родители не занимались им. Он рос одиноким и нелюдимым. Прямо как беспризорник, только в его ситуации это было ужасней. У него были родители, которые его не выгоняли из дома, которые просто не обращали на него внимания. И была только бабушка, которая научила его пускать бумажные кораблики, которая любила его. Больно понимать, что ты никому не нужен. Но может это всё просто верхушка айсберга? Может... у них, в Японии, вообще не принято показывать свои чувства к детям? Не принято баловать, разговаривать по душам с ними?

- Они тебя любили, Тору. Иначе бы просто вышвырнули на улицу. А ты ушёл сам, сказав, что не хочешь иметь с ними ничего общего после разговора с отцом. Ты убежал от проблем и не хочешь к ним возвращаться, чтобы помириться с мамой и примириться с отцом. Но... я уверена, что мама... она простит тебя. Позволь ей просто пообщаться с тобой. Твоя мама тебя назвала одиноким странником с тёмной аурой и ранимой душой. Она понимает, что ты страдаешь... возможно, она понимает, что не уделяла тебе внимания, когда была такая необходимость. Но...

Она замолчала и глубоко вздохнула. Посмотрела в глаза Тору и взяла его ладонь в свои руки. ей хотелось его поддержать, она хотела, чтобы он наконец-то обрёл свой дом. Потому что если у него где-то будет дом, куда он в любой момент может вернуться, она будет счастлива за него. Потому что его глаза будут счастливые. Тяжело, когда любимые люди ссорятся, а потом упускают возможность помириться. Вот папа упустил возможность помириться с бабушкой мамы, хотя они не особо сильно ссорились, бабушка мамы как-то более лояльно относилась к их браку. Но все проблемы начались только после того, как папа сказал, что пока они работают в России, Яреци будет жить с ними. И ни в какую солнечную Испанию они её не отдадут.

Она должна попытаться сделать всё возможное, чтобы Тору помирился с мамой и братьями.

- Кстати, очень вкусная яичница. Папа бы оценил твои способности, а то он мне периодически говорит, что я даже не в состоянии приготовить яичницу, - она попыталась перевести тему на что-то более нейтральное и весёлое.

Тору Мотидзуки

- "Одинокый странник с темной аурой и ранимой душой"... Как поэтично. - Тору скептически хмыкнул. Он понимал желание Яреци примирить его с семьей и ценил ее заботу, но сомневался, что нечто подобное вообще возможно. По крайней мере не в тех масштабах, что нарисовала в своем воображении девушка. И это прекрасно показало их последнее общение с Рюхеем. Оказавшись наедине, они только и смогли, что перекинулись парочкой ничего не значащих фраз, осознавая полное отсутствие общих тем для разговоров. В каком-то смысле, даже с отцом Яреци Тору чувствовал себя намного свободнее, чем со своей собственной родней, не привыкшей к доверительным беседам.

- Думаю, твой папа преувеличивает. Ты хорошо готовишь. Но это, конечно, не отменяет того факта, что я большой молодец.

Тору был рад сменить болезненную для него тему на что-то нейтральное. Тем более он не имел ничего против того, чтобы послушать, как любимая девушка положительно отзывается о его кулинарных достижениях.

- Я вообще умею много всего интересного. - Тору поднялся из-за стола и поставил посуду в раковину. - А пока ты думаешь на эту тему, я пойду умоюсь и попытаюсь вернуть себе подобающий приличному человеку облик. Посуду я помою, когда вернусь.

С этими словами Тору направился в сторону ванной, прикидывая, что ему нужно сделать, чтобы прочесать изрядно запутавшиеся за ночь волосы и придумывая новое наказание для Яреци, если ей придет в голову использовать его отсутствие для каких-нибудь не разрешенных им занятий.

Яреци Фернандез

- Это не поэтично, Тору, это правда, - вздохнула девушка, доедая яичницу. Потом

задумчиво посмотрела на то, как он собрал тарелки, выслушала его и показала ему язык. Взяла альбом и стала смотреть на портрет женщины. И думать, что можно сделать, чтобы в их доме всё было хорошо. Наверное что-то ведь можно сделать. Не может быть такого, чтобы ничего сделать было нельзя. Так просто не может быть.

Она отложила альбом и встала со стула. Подошла к окну и прислонилась лбом к стеклу. Усмехнулась, представив панику на лице Тору, когда он это увидит. Вздохнула и вернулась на своё место. Несмотря на то, что она попыталась сменить тему на что-то беззаботное и весёлое, на душе было грустно. Почему люди любят так всё усложнять? Все всё усложняют. Все ссорятся, а потом делают вид, что всё хорошо и так и должно быть. Но ведь это неправильно. Она должна объяснить ему, что какой-то мир в доме, хрупкий и пусть даже кажущийся безнадёжным, намного лучше, чем ссоры. Время... почему все учатся ценить время только на последнем пути своей жизни?

Она прикрыла глаза и положила подбородок на согнутые в коленях ноги. Обняла ноги руками и задумалась. Может быть действительно не надо лезть в это? Оставить всё как есть и признать, что она только мешает? Нельзя влезать в чужую семью, нужно создавать свою. К тому же не стоит влезать к чужим, если там тебя никто не ждёт. Яреци никто не ждал в доме родителей Тору, особенно теперь. Может и правда не влезать в это?

- Чем мы займёмся, когда ты припудришь себе носик? - спросила девушка, улыбнувшись. Но голос звучал грустно. - Может ты меня сводишь в порт? Я обещаю, что не буду никуда от тебя отходить.

Тору Мотидзуки

В то время, как он скрывался за дверью в ванную комнату, Яреци задала ему пару вопросов таким голосом, словно ей на плечи свалилась вся тяжесть этого мира, и она одна должна её на себе нести. Посчитав, что перекрикивать звук льющейся воды глупо, Тору решил отложить свои ответы до того момента, как сможет предстать перед девушкой уже в своем посвежевшем варианте. В конце концов ему, как мужчине, не требовалось много времени, чтобы привести себя в порядок, за что он был весьма благодарен судьбе, подарившей ему именно такой пол.

Его выход из ванной остался будто бы и не замечен. Яреци сидела все в той же позе и, казалась, воплощала собой вселенскую скорбь, чем перечеркивала все веселье их совместного утра. Тору даже задумался, не обладает ли яичница эффектом негативного воздействия на психику, но, так и не найдя причин свалить вину на что-то другое, признал, что его недавние слова не слишком порадовали девушку, а, значит, исправлять ситуацию тоже следовало ему.

Озаренный внезапной идеей Тору порылся в своих вещах и извлек из них маленький блокнот и ручку. Его художественные способности остановились где-то на уровне ученика начальной школы, но, не смущаясь этим фактом, он вдохновенно приступил к изображению Яреци на бумаге. Сначала он нарисовал кружок - голову, затем длинный овал - туловище, тонкие палочки вместо рук и ног, ну а дальше приступил к сложным элементам: лицу, на котором в его версии красовались огромные

испуганные глаза, длинным волосам и коротенькому платицу. В итоге вся работа заняла не более трех минут, но вполне его устроила конечным результатом.

- Что-то страшновато мне тебя в порт брать, - начал Тору преувеличенно дразнящим голосом. - А вдруг ты решишь, что рыбка и попытаешься от меня уплыть?

- Кстати, - Тору подошел к девушке поближе и вытащил из-за спины блокнот со своим рисунком. - Я тоже портреты рисовать умею. По-моему, получилось очень даже похоже.

Демонстрируя свой "шедевр", он уже предвкушал бурную реакцию девушки и надеялся, что хоть как-то сможет ее взбодрить и заставить забыть о грустных мыслях.

Яреци Фернандез

Она была погружена в свои невеселые мысли и подумала, что Тору не услышал ее вопрос про порт. Она прислушалась. Вода в ванной затихла, и она хотела повторить вопрос, как услышала шаги в комнату. Потом все затихло, и она снова вздохнула, думая, что Тору действительно ее не услышал.

Но его наглый голос, говорящий, что она может превратиться в рыбку, против ее воли заставил губы растянуться в глупой улыбке. Она представила себя рыбкой, а потом в этих мыслях возник образ рыбака, который ее выловит, кинет на разделочную доску... она вздрогнула и чуть не свалилась со стула. Представив, будет ли наказывать ее Тору за это, она тихо засмеялась. Настроение повышалось, и эти перепады настроения казались ей очень странными.

А когда он подошел к ней близко, она даже вздрогнула от неожиданности и уставилась на рисунок. Это было очень мило, и это напомнило ей школу, класс первый, когда она только училась рисовать.

Тору хотел ее развеселить, и она почти забыла о мыслях о семье его, о его отношениях с матерью, но снова взглянула на рисунок и загрустила.

- Это мило, Тору. Моя бы училка по рисованию в начальной школе бы поставила за это пятерку. Она была странная очень. Неудивительно, что я получала у нее часто двойки.

Она вздохнула и предалась воспоминаниям.

Тору Мотидзуки

Сначала его действия все же принесли результат. Девушка рассмеялась, но, несмотря на все старания, ее веселье длилось недолго. Рисунок хоть и показался ей забавным, вызвал какие-то детские воспоминания, которые, судя по выражению ее лица, трудно было отнести к числу приятных. А подобная ситуация его ни капельки не устраивала. Мало Яри еще недавно было лить слезы и пугать его и ни в чем не повинного Джуну, так теперь она постепенно уходила в печально-лиричный настрой, все реже радуя его своей улыбкой.

- А ты мне что поставишь? - Тору стащил ее со стула и приподнял над полом так, что она в кой-то веке могла посмотреть на него сверху вниз. - Я так старался, проявил все свои художественные способности. Неужели я не заслужил никакого поощрения. Тем более, что рисовал я не с натуры, а по памяти.

Позволяя себе таскать Яреци, как ему вздумается, Тору каждый раз радовался, что выбрал себе достаточно миниатюрную, по европейским меркам, девушку. С его собственным невеликим весом, будь она килограммов на десять потяжелее, подобное приятное времяпрепровождение пришлось бы исключить, заменив на что-то другое. А так рядом с ней всегда можно было чувствовать себя большим и сильным и способным защитить от любых напастей. Хотя с тем, чтобы защищать ее от напастей у него пока получалось плохо, поскольку большинство проблем Яреци так или иначе были связаны с его персоной. Но, наверное, в этом и заключался основной парадокс отношений - тот, кто помогал тебе стать сильнее в одном, в другом делал тебя слабее.

Яреци Фернандез

- Извини, просто... вспомнилась школа, первые классы. Уроки рисования, и наклейки вместо оценок. По рисованию у меня было много лебедей, мне нравилась эта птица, но я как-то не думала, что это двойка. А потом мама увидела, что у меня в четверти выходила двойка по рисованию, и пришла в ужас. Но папа вмешался и поговорил с учительницей. Он меня поддержал, что она была странная. Помню, один раз я нарисовала дюны в пустыне, всё разрисовала, даже линию горизонта нарисовала. И маленький мираж, растворяющийся в воздухе. А на горизонте караван верблюдов. Маленькие точки. А эта... дура... мне сказала, что у меня бурно развита фантазия...

Мама тогда очень долго ей читала нотации, что она слишком много читает книг и смотрит телевизор. Её мнение совпадало с мнением учительницы по рисованию. Впрочем, всё это длилось всего два года, а потом пришла адекватная учительница, которая помогла ей раскрыть талант.

Рисунок Тору, такой по-детски наивный, почему-то заставил её вспомнить этот неинтересный эпизод в жизни. Ведь она не так, чтобы сильно хотела связать свою жизнь с художественным институтом. Она просто так случайно решила поступить на факультет истории и теории искусств.

Тору её поднял высоко-высоко, и это в очередной раз заставило её улыбнуться, глядя в его глаза, в которых плясали чёртики.

- Ну вот что тебе ответить? Садитесь, ученик Мотидзуки, я вам ставлю пятёрку? Или согласен на четвёрку? - Она засмеялась, беря его лицо в ладони и нежно целуя в нос. Потом поцеловала в губы. - Нет, мне действительно нравится. По крайней мере, это мило очень и наивно. Спасибо тебе...

Тору Мотидзуки

Несмотря на не самые веселые воспоминания, его действия все же заставили девушку улыбнуться, хотя что-то ему подсказывало, что любое его неосторожное слово - и Яреци опять могла начать грустить. И, что самое печальное, в случае Яри

неосторожным могло стать любое, даже самое обычное слово. Поэтому для себя Тору решил больше полагаться не на слова, а на действия.

- В Японии немного другая система оценки, но я, в любом случае, согласен только на высший балл. - Тору поставил девушку на пол, но так и не стал до конца выпускать ее из своих объятий. - И почему наивно? Может быть это примитивизм? А во мне гибнет великий художник? Может быть, эта картина станет первой в череде моих будущих шедевров и будет выставляться в музее? Хорошо, что я догадался нарисовать тебя платице, а то мне бы не хотелось, чтобы на тебя глазели голую, пусть твое тело и похоже здесь на огуречик.

Весь этот бред Тору говорил со свойственным ему абсолютно серьезным выражением лица, словно искренне верил в возможность подобного развития событий. Вместе с этим, его правая рука провокационно скользнула по спине и остановилась в области приятных округлостей.

- Нет, ничего общего с огуречиком не наблюдается, - задумчиво протянул он, озвучивая результаты своих исследований. - Наверное, я все-таки недостаточно хорошо поработал над рисунком, теперь придется все переделывать.

С этими словами Тору снова взялся за свои блокнот и ручку, сел напротив Яреци и начал снова что-то старательно вырисовывать, время от времени бросая на девушку внимательные взгляды, словно оценивая какую-то деталь ее внешности. На практике у него выходил набор закорючек и геометрических фигур, но Яри пока этого не видела, так что могла подумать все что угодно.

Яреци Фернандез

- Ну высший - так высший, я сегодня добрая, ученик Мотидзуки, - засмеялась девушка. - Опустите меня всё-таки на пол и присаживайтесь.

Ей было хорошо с ним, он был очень добрый и нежный. Только он был грустным. И, наверное, одиноким. Надо будет всё-таки заставить его поговорить с мамой и, наверное, братом. И ничего, что у них нет ничего общего, ведь это общее по идее всегда можно найти. Можно просто сесть и поговорить. И наверняка найдутся темы для разговора. Хотя кто его знает, может это всего лишь иллюзия. Она не знала, как должно быть правильно. Наверное, лучше не влезать в семейные отношения братьев? Просто чтобы его не злить лишний раз. Ведь когда он дурачится, то кажется таким милым. В принципе, он и есть такой милый и любимый. Ему очень идет улыбка. И, кажется, последнее время он стал чаще улыбаться.

Когда она ощутила твердую поверхность под ногами, то хотела было отойти от него, но он нежно провёл по спине, потом остановил ладонь на ягодицах, а потом и вовсе убрал её, чем вызвал недовольное пыхтение и смешное сморщивание носика. Он что-то пробормотал и с очень серьезным видом стал что-то вырисовывать, внимательно глядя на неё, от чего она никак не могла сдержать смех.

- Такой серьезный, - показала она ему язык, лукаво улыбнувшись. Но сидеть без дела ей вскоре надоело, и она тоже взяла альбом и карандаш. Внимательно посмотрела на него и стала рисовать его портрет. От усердия, пытаясь нарисовать

его такие добрые, лукавые и живые глаза, на высунула кончик языка. На кухне на некоторое время воцарилось молчание, прерываемое скрипом ручки о бумагу и размеренным дыханием, почти в унисон.

- Кстати, мне тут поумалось, что если тебя немного подучить, то может получится какой-то толк. Хотя не всем дано рисовать. Вот я, например, никогда не смогу так... м... грациозно махать катаной или ещё каким-то оружием... А можно посмотреть? - она наклонилась к нему, чтобы заглянуть в его рисунок, и обворожительно улыбнулась, глядя. тем временем, не на его рисунок, а на его лицо...

Тору Мотидзуки

Хотя своими каляками-маляками Тору изрисовал лист достаточно быстро, он еще какое-то время продолжал делать вид, будто старательно рисует. Яреци тоже начала что-то изображать в своем альбоме, и ему не хотелось рушить атмосферу некой синхронности, которая образовалась благодаря их маленькой художественной импровизации, и которая была намного приятнее, атмосферы легкой грусти, царившей в квартире незадолго до этого. Да и наблюдать за Яри рисующей, судя по всему, его самого и делающей при этом презабавное выражение лица оказалось интереснее, чем обсуждать возможность налаживания отношений с его родными.

- Смотри, - Тору торжественно продемонстрировал новой шедевр абстрактной живописи. - Я хотел нарисовать твой портрет и, по-моему, в своем рисунке мне удалось отлично передать характер своей модели.

На всякий случай Тору приготовился снова получить по лицу полотенцем. Хотя чем больше он смотрел на рисунок, тем сильнее убеждался в правоте своих слов. Мягкие и плавные линии неожиданно сменялись чем-то резким, а то и вовсе прерывались, чтобы затем вырасти вновь.

- А ты знаешь, я с удовольствием отдамся в твои руки... в целях обучения. - Тору отложил блокнот в сторону, притянул девушку и посадил к себе на колени. - Помню я, ты как-то учила меня каллиграфии, так я был просто восхищен твоими преподавательскими навыками. Никогда не думал, что каллиграфия может быть таким приятным занятием. Как ты там показывала? Линия "хэн"? - Тору прочертил пальцем по ее щеке. - Видишь, я все запомнил.

Решив, что для демонстрации своих навыков одной линии недостаточно, Тору принялся старательно выводить ее "сестер-близняшек", начиная с лица и спускаясь ниже, на шею и затем ключицы. И, в отличие от первого раза, когда перед ним был лист бумаги, а не нежная девичья кожа, нынешнее рисование горизонтальных линий доставляло ему только приятные ощущения, подтверждая, что удовольствие от создания картины во многом зависит от качества холста.

Яреци Фернандез

Тору, тем временем разрешил посмотреть на свой шедевр. Она смотрела на него относительно долго, а потом улыбнулась, задумчиво грызя карандаш.

- Ну что же, неплохо, похоже на Кандинского. У него тоже линии были. Нарисовал сотни линий, а потом вот посетители музеев ломают голову, пытаюсь понять, что он

хотел нарисовать, - усмехнулась она. - А тут вроде бы понятно, - она карандашом сделала еще пару штрихов, потом задумчиво посмотрела на Тору и добавила еще несколько линий. Вернула рисунок хозяину. - Вот, получился автопортрет. Автор - Тору Кандинский, - засмеялась она.

Тору отложил в сторону блокнот и сгрел ее в охапку. Усадил на свои колени, и она потерлась щекой о его щеку.

- Ты помнишь тот провальный урок каллиграфии? В смысле с точки зрения каллиграфии провальный, - решила она уточнить, вспомнив, чем все закончилось. Ей было очень хорошо, она хотела получить этот опыт, но там обстановка была немного пугающая, ведь, каа она знала, двери в комнаты не закрывались на замок. Но, тем не менее, она ни о чем не жалела. Возможно, только немного. И о том, что все это случилось настолько быстро, что она даже не дождалась встречи с папой, чтобы представить ему Тору. Ведь она так и не призналась папе, что не просто так держится с ним за ручку и целуется...

Она иногда была очень наивна, нт даже сейчас искренне считала, что родители не догадываются о том, что она спит со своим человеком. Наверное, надо будет как-нибудь признаться. Но как это делают? Просто говорят "мама, папа, я не просто так целуюсь с ним, но и сплю"? И вообще, надо об этом говорить? Ведь мама несколько лет вдальбывала в ее голову, что нужно сначала получить благословение, потом сыграть свадьбу, а затем все остальное...

Она настолько глубоко ушла в свои мысли, как не заметила, что он проводит по ее лицу, а затем шее, рисуя, кажется, хэны. Вздрыгнула и чуть не свалилась с его колен.

- Прости, я задумалась, - поспешила она оправдаться. - Ты там что-то говорил недавно про семью? Тору, это, наверное, глупо, но я... я не рассказывала папе, что мы уже живем вместе. Он же... он же убьет нас... теперь мамс и папа точно не дадут нам благословение... - она вдруг так расстроилась, что готова была расплакаться. Она прижалась к Тору, словно маленький котенок, ищущий человеческого тепла...

Тору Мотидзуки

В отличие от Яреци Тору не считал замечательный урок каллиграфии, за время которого он узнал много нового и интересного, провальным. Даже наоборот, он был бы не против как-нибудь повторить этот опыт, хотя, наверное, с тем же вариантом завершения занятия, что и в прошлый раз. Правда теперь воспринимать каллиграфию в том смысле, в котором было положено, ему стало трудно, поэтому Тору не был уверен, что заяви Яреци о своем желании провести урок каллиграфии для кого-нибудь еще, он так легко позволит ей это сделать.

Тем временем девушка снова погрузилась в печальные мысли, перечеркивая все его старания как-то поднять ей настроение. И Тору хотел было уже совсем опустить руки и оставить ее в покое, как она озвучила причину своих переживаний - столь наивную, что Тору с трудом сдержался, пытаясь не засмеяться в голос.

- Ох, Яри. Только ты можешь на полном серьезе верить, что твои родители ни о чем

не догадываются. Я, конечно, ничего не знаю по поводу твоей мамы, но твой отец явно все понял при нашей первой встрече. И, как ты видишь, никого не убил. Он же взрослый человек и все прекрасно понимает. Мы же живем вместе. А какой нормальный мужчина будет жить с любимой женщиной и не иметь с ней близости? Это-бред. Тем более твои родители тоже до свадьбы не ждали.

В свое время Моррис поделился с ним не самой веселой историей начала их отношений с женой, приведшей к драке с будущим тестем, из которой Тору сделал для себя ряд выводов, немного уменьшивших угрызения совести по поводу своей некоторой торопливости в отношении Яреци.

- Да и разве мы сделали что-то такое плохое? - он пересадил Яри так, чтобы их лица оказались напротив друг друга. - Я же не какой-то случайный мальчик с дискотеки. Да и вроде все остались довольны. Или я не прав?

Последние слова Тору произнес, вплотную приблизившись к лицу девушки. Раз попытаться поднять ей настроение обычными методами не получалось, стоило попробовать другой подход. Что он и сделал, решив, что если не знаешь, какие слова подобрать - молчи и, наконец, займись делом, в данном случае - целуй девушку и желательно так, чтобы у нее больше не возникало посторонних ненужных мыслей.

Яреци Фернандез

- Это глупо, да? - спросила девушка, когда на кухне воцарилось молчание, прерываемое лишь отдаленным шумом проезжающих мимо дома машин. - Но я... прости...

Она не дооговорила, так как ей не дали этого сделать, закрыв рот поцелуем. Она прикрыла глаза и обняла своего любимого сначала за шею, потом запустила свои длинные пальцы в его волосы, а потом руки поползли вниз, по шее, к спине. Она вспомнила, как в свой первый раз царапала его спину, и покраснела, на секунду оторвалась от поцелуя. В животе снова запорхали бабочки, и она снова его поцеловала, а потом очень крепко обняла. Посмотрела на рисунок, что он нарисовал. Да, теперь он для нее будет Тору Кандинским. В этих закорючках что-то есть. Надо будет лучше изучить это направление. Может они откроют что-то новое?

- И все-таки тот урок каллиграфии был провальным, я тебя так ничему и не научила. Но не могу не признать, что "хэн" у тебя получается. Но если хочешь, я могу тебе еще что-нибудь рассказать. А то ведь хочу все еще стать мастером... а для этого надо экзамен сдавать... эх... - вздохнула она. - Кстати, кто-то обещал помыть посуду, мне же нельзя без твоего ведома это делать, - она ласково улыбнулась.

Тору Мотидзуки

И все-таки не могла Яреци надолго отвлечься от постоянного хоровода мыслей, мешающего заниматься чем-то более приятным, чем каллиграфия и всякими бытовые мелочи. Намек на необходимость мытья посуды, говорящий, что ему придется прервать начатое на самом интересном месте, Тору весьма опечалил и заметно поубавил недавний энтузиазм. Но поскольку данные обещания следовало

выполнять, Тору с не самым счастливым выражением лица снял девушку с колен, поднялся сам и уныло побрел к раковине.

-Ну вот хорошо же сидели. Но нет. Иди мой посуду... Глупые тарелки! И чего вы тут валяетесь, когда не просят.

С ворчанием Тору приступил к мытью посуды, время от времени кидая на Яреци недовольные взгляды. Но поскольку ее слова по поводу каллиграфии, в которых в своеобразной форме была высказана просьба о помощи, он проигнорировать не мог, Тору соизволил продолжить разговор, хотя так до конца и не вышел из "ворчательного режима".

- Можешь тренироваться на мне, сколько захочешь. Я даже постараюсь при этом прилично себя вести.

Последний пункт ему не слишком нравился, но Тору прекрасно понимал, что отношения многогранны и требуют от каждого время от времени выступать в нетипичных для него ролях. Так что если ему нужно было стать примерным учеником, он ничего не имел против того, чтобы постараться освоить что-то новое не своими трудами, а благодаря одной очень привлекательной, о чем на занятии следовало забыть, наставнице.

Яреци Фернандез

Блин, ну почему люди воспринимают все так буквально? Она просто предложила помыть посуду, точнее напомнила, что Тору обещал ее помыть. Она бы могла и сама ее помыть, но надо же спросить разрешения, а то ведь без его ведома нельзя и шагу сделать. А Тору, вместо того, чтобы просто отмахнуться, ее бросил. Снял с колен, усадил на стул и с видом обреченного на смертную казнь человека пошел мыть посуду. Он и шел к этой раковине с таким видом, будто забрал весь груз этого мира на себя. И грусть Яреци прихватил с собой. Потому что после этого настроение резко улучшилось. Хотелось смеяться и творить. И никуда идти не хотелось...

Она задохнулась от возмущения и не нашлась, что сказать, но, определенно, ей это нравилось. Нравилось его ворчание, нравился его недовольный голос, даже резкие движения рук, которыми он мыл посуду. Ей нравилась каждая клеточка его тела, и она понимала, что не хочет его оставлять. Пока есть желание, возможность, чувства; пока им хорошо друг с другом, она не оставит его. А потом, наверное, тоже не отпустит..

И сейчас ей не было страшно. Она надеялась, что все закончилось. Если он захочет поговорить со своей матерью - она его поддержит. Если он не захочет говорить с ней - она его поддержит. Может быть, это не правильно.

Она легко встала со стула и быстро и бесшумно подошла к нему. Прижалась к его спине, обняла руками и довольно заурчала...

Тору Мотидзуки

Пока Тору ворчал, стоя у раковины, Яреци сидела тихо, как мышонок, не пытаясь

комментировать его слова или действия. Но выражение лица девушки говорило, что его усилия по поднятию ее настроения не пропали даром. И, в принципе, Тору было этого достаточно и, хотя ему самому не слишком хотелось сейчас куда-то выходить из квартиры, он собирался это сделать, в случае, если Яреци снова попросится на прогулку, чтобы закрепить полученный результат.

Когда он практически закончил с мытьем посуды, Яри бесшумно подкралась к нему сзади и прижалась к его спине так, что заниматься какими-то бытовыми вопросами сразу расхотелось. И пусть он почувствовал ее приближение заранее, подобное проявление нежности стало для него в каком-то смысле неожиданным.

- Что урчишь, как маленькая кошечка? - Тору вытер руки, развернулся и обнял девушку в ответ. - Расхотела гулять?

По большому счету, он бы прямо сейчас уже никуда и не пошел, хотя еще несколько минут назад планировал совсем другое. У них впереди был целый день, и они вполне могли потратить ближайшие несколько часов, наслаждаясь затянувшимся утром. И в этом заключалась особая прелесть последних дней - они могли делать что, как и когда хотели. Возможно потом их ждала очередная полоса трудностей, но это только подтверждало правоту их желания получать максимум радости от каждого момента совместной жизни.
